

РАЗБЕРЕМСЯ СПОКОЙНО

Наши постоянные читатели, видимо, помнят, что в 26-м и 27-м номерах еженедельника за прошлый год были опубликованы воспоминания Л. Г. Печорина о знаменитых цирковых артистах Анатолии и Владимире Дуровых. Эта публикация вызвала активный протест некоторых членов семьи Дуровых. В результате на страницах «СЦ» (№ 29) появилось их письмо за семью подписями. А в феврале в редакцию обратился кандидат искусствоведения В. Сергунин с предложением опубликовать его статью. Тон статьи — открытый и уважительный, а также позиция автора, призывающего вести споры не с помощью давления «сверху», а с помощью фактов и аргументов, показала редакции принципиально важной и необходимой особенно сейчас, когда все мы учимся демократии.

Завершился четвертый год нашего обучения в начальных классах демократии. Похоже, что выстраданные и небывалой ценой народного горя оплаченные уроки прошлого не всегда идут впрок. Возможность призывать учиться демократии — это немалое достижение перестройки. Но, в конце концов, важен не столько процесс, сколько результат.

Да, многие не выдерживают экзамена. Я имею в виду публикации в СЦ №№ 26, 27, 29 за 1988 год.

Вкратце, о чем в них шла речь. В № 29 СЦ опубликовал опровержение по поводу материалов об А. Л. и В. Л. Дуровых, напечатанных в №№ 26, 27. Казалось бы, славное и для демократии естественное дело — признавать собственные ошибки. Но то — для демократии. А в нашем случае редакция униженно скатывается к самобичеванию и «предпринимает данную публикацию (СЦ № 29), призванную дать подлинную и достойную оценку пасквилю Л. Г. Печорина». А чтобы ни у кого не оставалось и тени сомнения на сей счет, публикуется «Решение собрания трудового коллектива театра зверей им. В. Л. Дурова» и письмо (или заявление) «В партком Всесоюзного ордена Ленина Объединения Госцирков» за подписью семи членов династии Дуровых. Документы, примечательные во многих отношениях. Будем, однако, последовательными, ибо, как совершенно справедливо заметил в своем письме в редакцию профессор Ю. А. Дмитриев (письмо опубликовано на той же полосе), «факты — упрямая вещь». Поэтому станем придерживаться фактов.

То, что 1988 год является «125-летием со дня рождения основателем артистической династии Дуровых», — как сказано в письме, фактом, строго говоря, не является. Как должно быть хорошо известно потомкам, В. Л. Дуров родился 25 июня 1863 года, а А. Л. Дуров — 26 декабря 1864 года. Следовательно, 1988 год — юбилейный только для Владимира Леонидовича Дурова. Это — факт! Не менее известно, что звание заслуженного артиста РСФСР было присвоено В. Л. Дурову не в 1924-м, как сказано в письме, а в 1927 году. Это тоже факт.

Утверждение уважаемых авторов письма о том, что основатели артистической династии Дуровых, «чей весомый вклад в русское и советское цирковое искусство не оспорим», составляла пластическая национальная культура, — не есть очевидная истина (разрядка моя — В. С.).

Во-первых. Мнение о бесспорности шедевров, о вкладе художника в историю культуры выносит все-таки Время. Каждое последующее поколение эти выводы волюнтарно углубляет, переосмысливает и даже полностью опровергает.

Во-вторых. Истина не может быть однозначной, а тем более не может являться монопольным и абсолютно непререкаемым правом одного лица или группы лиц, даже столь уважаемой династии, как Дуровы. Это азбука демократического цивилизованного общества.

В том же письме говорится, что в газете «появились пасквили эпизодического лица, не имеющего никакой роли для искусства и кратковременно общавшегося с братьями Дуровыми». На мой взгляд, это не более чем эмоциональная констатация мнения авторов письма, так как в дальнейшем изложении они не приводят ни единого доказательства или аргумента, доказывающих эту позицию.

Факты не таковы. В 1931 году, по инициативе Е. М. Кузнецова, Л. Г. Печорин записывает наиболее памятные эпизоды из своей цирковой жизни. Трудно усомниться в компетентности основоположника советского цирковедения, который, надо думать, понимал значение воспоминаний и свидетельств человека, отдавшего цирку 44 года (!). Записи

Л. Г. Печорина, фрагментарные, сделанные по памяти мелким и малоразборчивым почерком, тем не менее были к у п л е н ы Музеем цирка у автора в том же году (большая часть фондов Музея — дарственные поступления), тогда же расшифрованы и перепечатаны на машинке. Следует признать, что любые свидетельства минувшей эпохи, вне зависимости от того, имеют ли они критический пафос или, напротив, восторженно-патетический, являются сами по себе драгоценным историческим документом. Такие документы позволяют воссоздавать более полную, объемную и многоцветную картину прошлого. Надо ли говорить, что история цирка складывается из самых неожиданных, порой друг друга взаимоисключающих крупиц информации, черпаемой из фактов, документов и свидетельств. Скажем, информация о цирках Годфруа, Девинье, Жирарда, Манья, Лихтенса, Борна и других. Разве эти сведения, содержащиеся в записках Л. Г. Печорина, не заслуживают пристального внимания, кропотливого изучения и осмысления? Евгений Михайлович Кузнецов, я думаю, это понимал. В то же время, как мне представляется, он понимал и другое: степень достоверности этих сведений, формы и методы использования этих материалов для воссоздания подлинной, истинной истории цирка в России.

Зададимся, наконец, теми основными вопросами, которые должен ставить перед собой всякий добросовестный исследователь, претендующий на научность, а следовательно, на определенную глубину своих изысканий: «ради чего» и «каким образом»? Иначе говоря, с какой целью и в какой форме следует обращаться к тому или иному свидетельству истории? Это очень непростая проблема. И научная, и методологическая, и, если хотите, нравственная.

На мой взгляд, серьезная претензия, которая должна была быть предъявлена редакции за публикации в №№ 26, 27, — отсутствие развернутого научного комментария, что позволило бы избежать фактических ошибок и передержек. Например, то место, где Л. Г. Печорин пишет, что А. Л. Дуров умер в Москве. Профессионалу не представляло труда прокомментировать это хотя бы так: «Автор ошибается. А. Л. Дуров скончался в Мариуполе 7 января 1916 года (по старому стилю 25 декабря 1915 г.). Гроб с телом был перевезен в Москву, где А. Л. Дуров был похоронен на кладбище Скорбященского монастыря».

Относительно того, что СЦ, как сказано в письме Дуровых, «обращается к ложным сведениям сомнительных, грязных, порочащих честь и достоинство материалов», «подменив факты грязными порнографического свойства сплетнями», то, да простят меня уважаемые члены династии Дуровых, подобный стиль разговора ничем не лучше развязной уличной брани: «Дурак! Сам дурак!». Это уже, как говорится, за гранью.

Не скрою, что особенно неприятно меня поразили методы, с помощью которых велся диалог. Обвинительным приговором выглядит письмо в редакцию, партком и в ЦК КПСС «с просьбой принять меры в партийном порядке».

Слишком хорошо известно, откуда к нам пришла страсть к коллективным письмам. Вспомним хотя бы печально известное «письмо одиннадцати», после которого был разгромлен «Новый мир» А. Т. Твардовского. Не отсюда ли эта «коллективная» смелость, не отсюда ли призыв: «Не могу поступаться принципами». Грустная риторика.

Или возьмем такую характерную деталь. Семьдесят строк занимает собственно текст письма и двадцать (!) — перечисление званий, регалий и должностей, занимаемых Н. Ю. Дуровой.

Я с уважением отношусь к этой удивительно разносторонней, многогранно талантливой женщине. Я восхищаюсь ее не-

роятной работоспособностью, ее неохватной профессиональной и общественной деятельностью, но мне, честное слово, непонятно: какое значение в данном случае имеет то, что Наталья Юрьевна Дурова лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, член Союза Писателей, член Правления МО СЦ РСФСР, вице-президент ассоциации «Мир детям мира» и так далее. Всего, как я уже сказал, 20 газетных строк. По-моему, явный перебор.

Конечно, по застойной старинушке административно-командной дубиной воевать не в пример легче, нежели проявлять терпимость и уважение к чужому, пусть даже чуждому, мнению. Авторитарным ломом оно, разумеется, куда способней отстаивать свою правоту. Но только «это» мы уже пробовали (я имею в виду историю страны), — слишком горьки итоги и невосполнимы потери. Нет, я не за трусливое примиренчество, не за принцип: «давайте говорить друг другу комплименты». Я — за борьбу! Но за достойную, чтобы в ход шли шашки аргументов, рапиры доказательств, кинжалы фактов и все прочее из того же арсенала. И чтобы в цель, по сути! Поймем ли мы, наконец, что в демократическом, правовом государстве, если мы к нему стремимся, надлежит воевать с позицией, а не с человеком, эту позицию занимающим. Давайте попробуем без крови.

Литература о династии Дуровых столь же многообразна и обширна, сколь противоречива и запутанна. Интересно, что с появлением все новых и новых книг и статей противоречия и несообразности не только не исчезают, а все больше напластываются друг на друга, мешая отделить легенду от подлинных лиц выдающихся русских артистов Дуровых. Еще при жизни братьев, а особенно более поздними «наслоениями», различными интерпретациями и толкованиями, вокруг них создался во многом мифологизированный образ, который, плохо ли, хорошо ли, был внедрен в сознание профессионалов и ценителей циркового искусства. Живые люди, с присущими живым людям ошибками, странностями, недостатками, пороками и достоинствами были во многом заменены легендой.

В одном из своих ранних писем Л. Н. Толстой писал: что «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать и вечно бороться и лишиться. А спокойствие — душевная подлость...» (1).

В конце жизни Толстой перечитывал это письмо и пришел к выводу, что его взгляды с годами ничуть не изменились. Имея в виду процитированную мысль Толстого в качестве камертона, попытаемся рассмотреть некоторые факты из жизни братьев Дуровых, соотнося их с упомянутыми воспоминаниями Л. Г. Печорина.

Так, Л. Г. Печорин пишет о факте кражи А. Л. Дуровым запродажной у своего кассира. Что и говорить, случай, не делающий чести порядочному человеку. Поэтому вполне объясним гнев потомков. Но в таком случае останемся непонятным такое, например, признание самого А. Л. Дурова, сделанное им в его книге «В жизни и на арене»: «Пошел ревизовать квартиру крестного в чайники найти что-нибудь подходящее для костюма. Шарил-шарил и остановился на шелковых гардинах, которые висели в гостиной. Ни на минуту не задумываясь, снял я это украшение комнаты, разрезал на клочки и сшил себе роскошнейший костюм» (2).

О том же у другого автора: «Да-да-да, милостивые государи! Укради-с! У собственного родственника, у опекуна, у человека, который во мне души не чаял... А что прикажете делать? (...) Мне костюм нужен был позарез — понимаете? Костюм! Москва не Тамбов, не Мариуполь, ее надобно огорошить, удивить!» (3).

Можно, конечно, считать, что гардины в доме крестного и запродажная (иначе говоря, расписка в получении задатка за сделку) — вещи, все-таки, разные. Возможно. Но следует учесть и то, что две тысячи рублей, принимая в расчет немалые гонорары артиста, сумма все-таки пустяшная. Примечательно, что кражу А. Л. Дуров совершил «ни на минуту не задумываясь». Как с этим быть? Об этом у авторов письма ни слова.

Другой факт, касающийся интимных подробностей жизни А. Л. Дурова: существование повести «Браво, Дуров» читаем: «Нет, не две соперницы встретились в этот день, а две артистки. Две участницы одного великолепного представления. И нечего им было делить между собою, и не из-за чего ссориться. Будь они русскими, может быть, все вышло бы иначе. Но... старшую звали Тереза Штад-

лер, младшую — Елена (Элеонора) Гертель. Они обнялись и немножко поплакали. «Будем его беречь и любить», — шепнула старшая. «Да, да!» — закивала молодая (4). Как видим, факт достаточно хорошо известный, и отрицать его попросту нелепо. Другой вопрос, интимные подробности семейного альянса, встречающиеся в записях Л. Г. Печорина. Они существуют как данность, их ни утверждать, ни опровергнуть впрямую сегодня, по-видимому, невозможно. Стало быть, в данной, весьма щекотливой ситуации, редактору оставалось либо соответствующим образом прокомментировать абзац и дать свое к нему отношение, либо вовсе опустить его, либо получить жесткий упрек в бестактности и отсутствии вкуса. Правомерен вопрос: зачем вообще нужно касаться этой стороны жизни артиста?

Тут, мне кажется, не может быть однозначного и универсального на все случаи «можно-нельзя». Следует всякий раз взвешивать добываемую этим путем истину на весах этики и нравственности. Если же мы изначально встанем на позиции категорического запретительства, то многого попросту не сможем объяснить в истории цирка. Не сможем внятно объяснить, почему, например, выдающийся деятель цирка Е. М. Кузнецов решил уйти из жизни, а значительно менее одаренный Е. Т. Милаев благополучно дожил до старости, стал народным артистом СССР и Героем Социалистического Труда. Подход, как мне думается, должен быть всякий раз взвешенным и дифференцированным.

Артиста, тем более выдающегося артиста, каким мне представляется А. Л. Дуров, совершенно невозможно «судить» обычными мерками. Незаурядность, «пестрота, разнокалиберность, разносторонность «неожиданность и несообразность» многочисленных талантов этой широко одаренной оригинальной натуры» (5), — как писал о нем С. Г. Скиталец, — не могли не сказаться и на его личной жизни. Он и в жизни оставался Великим Артистом. Мне кажется, более всего характер А. Л. Дурова объясняют слова, приписываемые А. М. Горькому: «Сухие моралисты скажут, что жизнь Анатолия Леонидовича двигалась по кругу порока, что пульс его жизни бился не в один такт с маятниковым добродетели... Пусть говорят это те, кто свою жизнь засушивает для нравоучительной коллекции добродетельных высоконравственных людей. (...) Никогда не поймем, никогда нравильно не оценим мы святых мира сего, если не представим, что в их душе мир, грубо выражаясь, «стоит на голове»... (...) Все можно простить — и прощайте талантливого человека. Он может среди бела дня совершить грабеж логики, убивать божеские и человеческие законы, и никто не крикнет: караул! — ибо делает это талант, делает он из воображения, для нас пока таинственных, нам недоступных, — делает для цели, истинный смысл которой откроется нам только в далеком будущем...» (6).

Поэтому весьма красноречив эпитафия, который А. Л. Дуров выбрал для своей книги: «Я лучше и хуже того, что обо мне говорят» (7).

Теперь о том, что по мнению уважаемых членов династии, СЦ якобы пытается «нанести урон доброму имени выдающихся артистов цирка», «используя методы дореволюционной травли братьев Дуровых».

Прежде всего, следует уточнить. Власть предрекание царской России действительно многое сделала для насаждения и поддержания враждебных отношений между братьями. Но, в то же время, следует подчеркнуть, что никто не сделал для разжигания этого соперничества больше, чем... сами братья Дуровы. Сошлюсь хотя бы на авторитетное мнение Е. М. Кузнецова: «Вражда братьев Дуровых достигла гиперболических размеров, с обеих сторон была завешана следующим поколению и во многом исказила подлинные артистические достоинства Анатолия и Владимира Дуровых» (8).

О том, какой была атмосфера в цирке тех лет, А. Л. Дуров писал: «Чтобы занять видное положение в театре или в цирке, нужно предвзято превратить многих в ничто и уже на их терпеливых плечах основать самому во всем блеске своего успеха. В соответствии, за кулисами царит одно правило: топи! И если ты сам не будешь топить, так утопят тебя... Все хотят есть слаще, жить просторнее, и поэтому каждый карабкается на первое место, которое хорошо оплачивается и тешишь самолюбие» (9).

В книге другого, не менее авторитетного историка Ю. А. Дмитриева, читаем: «Братья жестоко враждовали и конкурировали. Они заимствовали один у другого эффектные номера и шутки, обвиняя один другого в плагиате» (10).

